

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Прозаику, члену редколлегии и автору нашего журнала Борису Вайнблату – 70 лет! Инженер, специалист по автоматизированным системам, он активно занимался научным поиском, а к литературному творчеству обратился в уже зрелом возрасте, когда накопленный жизненный опыт и наблюдательность породили сюжеты его первых коротких рассказов. Однако жизненными фактами и повседневными событиями круг его литературных интересов не ограничился – отсюда возникновение рассказов-реминисценций, мидрашей, по-своему, по-писательски неожиданно, осмысливающих библейские сюжеты.

Проза Вайнблата – строга, лапидарна, лаконична, порой его новеллы представляют собой развёрнутый анекдот в старинном литературном смысле этого слова. Требовательный к себе, он не спешит с выходом новых рассказов к читателю, постепенно складывая книгу, в которой каждая миниатюра должна сыграть роль камешка в разноцветной мозаике зафиксированной авторским пером жизни.

Принося поздравления нашему другу и коллеге, мы искренне желаем ему жизненного и творческого долголетия!

Редакция

САРА И АГАРЬ

Мидраш

Сара любила короткие мгновения рассвета: утренние звезды еще не погасли, а солнце, поднимающееся из-за гор страны Мориа, не начало свой раскаленный путь по небосклону. Она омыла лицо прохладной с ночи водой и вышла из шатра. Рабыни с кувшинами и мехами направлялись к загонам на утреннюю дойку. Начался новый день в доме Авраама, и Сара, хозяйка, должна была за всем проследить, всему дать толк. Сначала она направилась к загону для коз. Через жерди, ограждающие загон, в него пыталась пролезть рабыня Агарь – любимая наложница Авраама. «Ты не больно спешишь на работу, – заметила Сара. – Я, что ли, должна исполнять твой урок?» – «Я за тебя работаю ночью, а ты могла бы поработать за меня днем», – съязвила Агарь, выпячивая свой растущий живот. Сара заметила, что рабыни стали прислушиваться к их разговору, и понизила голос: «Тебя следует выпороть за твой длинный язык, но боюсь, что ты скинешь и у нас на одного раба станет меньше». – «Раба? – громко переспросила Агарь. – Не раба, а господина! Ты ведь бесплодна, Сара, бесплодна, как сухая смоковница». Сара схватила увесистую жердь, но сдержалась и спокойно, как и положено госпоже, ответила: «Займись делом, рабыня, а то тебе не хватит коз и придётся доить козлов».

Солнце высоко поднялось по своей дуге, когда Сара, наконец, подошла к палатке мужа. Утомленный ночью любви, Авраам еще спал. Завитки его серебряной бороды выделялись на черных овечьих шкурах. «Красив. Как в молодости красив!» – подумала Сара, садясь на ложе мужа. Авраам открыл глаза и спросил: «Что привело тебя, Сара, в мой шатер в столь ранний час?» – «Ты знаешь, что говорит обо мне эта блудница Агарь? Ты знаешь, что говорят обо мне наши рабыни, ко-

торых ты постоянно брюхатишь? Что я, видите ли, бесплодна! Я ли в том виновата? Ты годами не приходишь ко мне, а эти девки у тебя не выводятся». – «Сарочка, золотко! – пытался урезонить Сару Авраам. – Ты же знаешь, что я не просто с ними сплю, я выполняю Завет Господень. Согласно воле Его, я должен стать отцом множества народов». – «Ты просто кобель, а не отец! – сорвалась на крик Сара. – А слова Господни о том, что от тебя произойдет народ великий и сильный, ты забыл? Где он, этот народ? Кто его родит? Да и мне какво прожить жизнь без ребенка? Кстати, твоего наследника?!» – «Ты хочешь ребенка, Сарочка? – обрадовался Авраам. – Нет проблем. Дурное дело нехитрое. Сегодня этим и займемся».

Рождение Исаака не принесло Саре спокойствия. Агарь постоянно твердила, что ее сын Исмаил – первородный и только ему принадлежат все богатства Авраама. Ему, а не Исааку, рожденному позже.

Разговоры, которые вела Агарь с рабынями, достигали ушей Сары. Она стала опасаться за жизнь своего малыша. С Агарью надо было что-то делать. И когда стареющий Авраам завел себе новую молоденькую наложницу, Сара сумела убедить мужа изгнать Агарь из дома. Как ни плакала Агарь, пытаясь изменить решение Авраама, он остался непреклонен.

Солнце еще не взошло над горами земли Мориа, когда Авраам разбудил Агарь с сыном ее, дал им на дорогу бурдюк с водой, лепешек и велел покинуть дом свой. Никто из рабынь – подруг Агари – не пошел ее провожать. Лишь Сара с Исааком вышли на край поселения, чтобы убедиться: некогда любимая наложница Авраама навсегда покидает его дом.

Исмаилу не хотелось уходить от знакомых с рождения шатров, веселых козлят, с которыми он любил играть, от пальм, под которыми он собирал сладкие финики, но Агарь неумолимо тянула его в пустыню Вирсавии. И тогда он поднял с земли камень, прицелился и... швырнул в Исаака.

И это был первый камень интифады.

УХОД САРРЫ

Мидраш

Луна вынырнула из-за облаков, и маленький караван пошел быстрее. Утомленный событиями последних дней, Исаак задремал на спине осла. Авраам заботливо придерживал спящего сына, но умное животное, будто понимая, что везет ребенка, ступало осторожно, аккуратно ставя копыта на каменистую тропу. Наконец показался спящий поселок – несколько десятков шатров. Если бы не тени, которые они отбрасывали в свете луны, его трудно было бы отличить от окружающих холмов. «Кажется, все спят, – с облегчением подумал Авраам. Но сразу же понял, что ошибся: от поселка к ним метнулась еще плохо различимая фигура женщины.

– Сарра! Разве она заснет, не дождавшись Исаака? Сарра проворно бежала навстречу каравану по идущей в гору тропе, как будто и не было многих прожитых ею лет. Она сжала в объятиях сына, покрывая его лицо поцелуями. Еще не совсем проснувшийся Исаак вдруг застеснялся того, что его целуют при всех, как маленького. «Сынок, сынок мой, – шептала Сарра. – Ты живой! Живой! Значит, есть еще совесть у нашего Бога!»

За столом Сарра как будто не замечала Авраама. Только за сыном она ухаживала, только ему налила кружку еще теплого молока и переломила испеченный с вечера хлеб. Видя такое отношение к Аврааму, слуги удивленно переглядывались. «Поговорю с Саррой утром», – решил Авраам, удаляясь в свой шатер.

Всего несколько часов удалось поспать Аврааму после долгой дороги. Под утро его разбудили голоса за пологом шатра, и он выглянул наружу. Луна еще висела в небе, и в ее свете Авраам увидел, что возле шатра Сарры готовится в путь небольшой караван. Слуги грузили на спины ослов и верблюдов переметные сумы, скрипел колодец, поднимая воду для походных бурдюков. Управляющий домом Авраама проверял копыта животных и надежность сбруи. Сарра, уже одетая в догогу, безмолвно за всем наблюдала.

«Сарра, что случилось? Ты уходишь?» – «Ухожу, Авраам. Навсегда ухожу от тебя и от твоего Бога. – Голос Сарры звучал негромко, словно она не хотела разбудить спящий поселок. – Я так больше не могу жить. Ты заключил договор с Богом, суровым и жестоким». – «Сарра, – взмолился Авраам, – мы прожили с тобой большую жизнь. Стоит ли расставаться в конце ее. Одумайся!» – «Нет, Авраам. Я не могу простить тебе твоего решения. Я столько лет ждала моего единственного Исаака, я его родила и вырастила. Тебе твой Бог дороже собственного сына, а я – мать! Для меня мое единственное дитя дороже Бога. Я ухожу, я так решила!» Слуга помог Сарре устроиться на спине старой спокойной верблюдицы. Авраам схватил верблюдицу за повод. «Сарра, прошу тебя, одумайся! Не уходи от меня и не отрекайся от нашего Бога!» – «Авраам! Задуматься должен ты! Все дни, пока вы отсутствовали, я думала о твоем Боге. Он требует непомерную плату за союз с нами. Сегодня, когда нас мало, Он готов пожертвовать для проверки любви к себе нашим единственным сыном, а когда нас будет много, сколькими сыновьями Он пожертвует? Он считает наш народ песком морским, а кому жаль песчинок: одной горстью больше, одной меньше. Ну а если мы действительно прогноваем его, Он милосердно отвернет от нас лик свой? Отпусти повод, Авраам. Я ухожу. Ухожу искать Бога доброго и милосердного. Бога матерей, полного любви к нашим детям». Авраам отпустил повод.

Сарра что-то крикнула проводнику, и караван тронулся в путь.

Когда он подошел к краю поселка, Авраам вдруг закричал: «Сарра, Саррочка! Не ищи милосердного Бога! Нет его, нет его для нашего народа!»

О КОРОВЕ МАНЬКЕ И РЕБЕ ГЕРШЕ

Эта история из того далекого времени, когда евреи еще имели хороших коров и мудрых раввинов. Мой дед, от которого я ее слышал, был тогда еще ребенком. Рос он в бедной семье, жившей в Сморгони, небольшом местечке что неподалеку от Минска. Была у них корова Манька, бодливая и норовистая, да еще и не слишком удойная. Впрочем, детям на молочную лапшу всегда хватало. Но, как говорится в Талмуде, всё имеет свое начало и всё имеет свой конец, и в один не очень прекрасный день сдохла Манька. Погоревали прадед и прабабка, поплакали их многочисленные детишки, да делать нечего – надо новую корову заводить. Разузнал прадед, что в Минске можно купить недорогую, но вполне приличную корову, и отправился на ярмарку.

Скоро в хлеву стояла новая корова, которую также называли Манькой. Только, в отличие от старой, новая корова молока давала много и было оно вкусное и жирное. Да и характер у новой Маньки был просто золотой – ласковый и покладистый. Прабабка нарадоваться не могла, а соседи так прямо говорили, что следует завести от Маньки телочку – пусть и у других евреев будут такие же хорошие коровы. Сказано – сделано! В свой срок привел прадед из соседнего местечка быка. Тут и произошел с нашей Манькой конфуз: не подпускает она к себе быка, хоть режь! Прадед и в поле ее выводил, и за рога держал, и так и эдак перед быком поворачивал – ничего не помогало.

Пора быка назад отводить, а он со своим бычьим делом не справился. Пошел прадед к ребе за советом. А должен вам сказать, что тогдашний сморгонский раввин был известен умом и ученостью не только в окрестных селах и местечках, где жили наши евреи, но и в самом Вильно. Оттуда нередко приезжали к нему знаменитые виленские раввины, чтобы прояснить некоторые тонкие вопросы Торы или получить совет в трудном деле. Вот к какому раввину пошел мой прадед!

Ребе его внимательно выслушал, почесал переносицу, а потом спросил: «Корова у тебя из Минска?» – «Из Минска, – отвечает прадед. – Но, ребе, как Вы об этом узнали?» – «У меня жена тоже из Минска!» – грустно вздохнул мудрый реб Герше.

СУББОТНИЙ КИРПИЧ

– Дорогой ребе, если Вы не возражаете, так я вас немного провожу, – обратился в конце пятничной молитвы мой прадед Лейб-Шломо к нашему старенькому ребе Герше.

– Конечно, конечно, господин Шпигель, а заодно и поговорим о том, что вас тревожит, – согласился ребе, натягивая на себя свое старое пальто, которое уже скоро двадцать лет смотрится почти как новое.

– Да, вы, как всегда, правы: именно тревожит, причем очень. Начну без предисловия, чтобы не отнимать ваше драгоценное время. Моя жена Хая, вы ее хорошо знаете, как мне недавно стало известно, нарушает законы святой субботы. Более того, она в этом упорствует. Вы знаете, дорогой ребе, я человек простой, уж лучше я перелицую пять пар штанов, чем убедю, т.е. убежу, т.е. ... вы меня понимаете, такую женщину, как Хая. Я ей слово, она мне – десять, я ей десять, так она вообще не дает мне рта раскрыть. – Мой прадед замолчал. После столь долгой речи он должен был немного передохнуть.

– Так в чем же всё-таки она нарушает субботу, уважаемый Лейб-Шломо? Рассказывайте быстрее, а то уже скоро мой дом.

– В чем? Да она – представляете, ребе, – не выливает молоко, которое дает наша корова Манька по субботам, да продлит Господь ее годы! – Реб Герше, на что уже умный человек, но последней фразы моего прадеда не понял и потому переспросил: «Вы просите Господа продлить годы вашей достопочтенной супруги или же коровы?»

– И той и другой. Видите ли, ребе, у нас нет русских соседей, и по субботам, чтобы не мучить нашу Маньку, Хая доит корову сама. Я ей всегда говорю, что субботнее молоко, согласно Талмуду, положено выливать в землю, в глину, но...

– Не продолжайте, господин Шпигель. Я, кажется, догадываюсь, в чем суть Вашего вопроса. По субботам Ваша Хая кладет в подойник чистый глиняный кирпич, а на следующий день использует это молоко на простоквашу или, скажем, на творог. И Вы хотите узнать, не нарушает ли она при этом закон субботы, используя в воскресенье субботнее молоко. Не так ли?

– Боже мой, ребе Герше! С вами не нужно даже рта раскрывать – вы уже и так всё знаете.

– Нет, уважаемый Лейб-Шломо, уверяю вас, далеко не всё. Я, например, не знаю, что делает ваша Хая с этим кирпичом потом.

– Потом она его моет, прокаливает в печи, заворачивает в чистую холстину и хранит до следующей субботы.

– Я всегда очень высоко оцениваю женщин, живущих в нашей Сморгони, но при этом я особенно отмечаю вашу супругу. Она действительно замечательная хозяйка. Моя супруга только моет свой субботний кирпич, – грустно заметил мудрый реб Герше.

МОИ СТЕКЛЯННЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

Я иду вдоль бесконечного ряда стеклянных колокольчиков, свисающих на длинных нитях откуда-то сверху. Они колеблются от легких порывов ветра и мелодично позванивают. Звонят колокольчики по-разному: одни совсем тихо, другие погромче, одни поют динь-динь, другие – дилинь-дилинь, у одних звон заливистый, задорный, у других – глухой и печальный. Иногда я понимаю язык, на котором они звонят-разговаривают: этот колокольчик, например, говорит на иврите, а эти, вероятно, – на арамейском языке. Несколько колокольчиков звонят по-немецки. Перезвон некоторых колокольчиков я не понимаю. Но я точно знаю, что колокольчики эти рассказывают о судьбах моих предков, а может быть, о моих предыдущих жизнях. А откуда мне это известно – не знаю...

Мне кажется, что в некоторых своих прежних ипостасях я был женщиной, но чаще – мужчиной. А вот быть животным мне не довелось, а жаль: родиться собакой я бы не отказался.

Порой события, о которых звенит-заливается тот или иной колокольчик, мне, нынешнему, неведомы, а о временах и странах, в которых я жил (а может, это был мой предок?) в том или ином своем перевоплощении, я ничего не знаю. Иногда в его рассказе упоминаются неизвестные мне события, и я прошу пояснить, о чем, собственно, идет речь, задаю вопросы, но колокольчик меня не слышит и на вопросы не отвечает.

Вот колокольчик, заинтересовавший меня рассказом о том, что когда-то я был служанкой... у Сары, Сары – жены Авраама, которая дала начало еврейскому народу. “Я помню, – звенит колокольчик, – все события, произошедшие в доме Авраама, ведь от служанки ничего не утаишь, ей всегда известны семейные секреты. Моя память, – продолжает колокольчик, – сохранила стремительное возвышение и последующее падение Агари, моей тогдашней подруги.

Но явственней всего мне вспоминаются последние дни моего пребывания в доме Авраама. Должна заметить, что к старости у Авраама появились странности. Чего стоило Саре так называемое жертвоприношение Авраама! Как разрывалось ее сердце, сердце матери, когда она узнала, что муж увел из дома их единственного сына Исаака! После этого Сара не могла дальше оставаться в доме Авраама и, забрав с собой нескольких слуг, ушла в землю Ханаанскую. Я сама собирала мою несчастную госпожу в дорогу, а потом сопровождала ее до самого Хеврона”.

Ещё один колокольчик напомнил мне, что и в другой моей жизни я был служанкой. На этот раз – в доме вифлиемлянина Вооза. Я была совсем молода, когда произошли события, связанные с приходом из земли Моавитянской старой Ноемини и ее невестки Руфи. Помню, Руфь поразила меня какой-то особенной женственностью, а широкая шаль не скрывала, а скорее подчеркивала ее формы: бедра и высокую грудь, делала ее таинственной и загадочной. Лицо моавитянки притягивало взгляд необычной для наших мест красотой: высокими скулами и огромными, в пол-лица, серыми глазами. И конечно, Вооз, как и многие мужчины, сразу же обратил на Руфь внимание. Да он и не скрывал этого. С трудом дождавшись окончания уборки ячменя, он буквально на следующий день женился на красавице-моавитянке.

Я-нынешний понимаю, что повествование служанки Вооза несколько противоречит тому, что мне известно из библейской «Книги Руфи». А там сватовство Вооза описано иначе. Но по здравому размышлению я склоняюсь к тому, что воспоминания моего прежнего воплощения точнее библейского рассказа. Судя по всему, Вооз был настолько ослеплен чарами Руфи, что о земельном наделе, принадлежащем Ноемини, он в тот момент и не думал. Впрочем, так ли важны все эти детали?

Следующий колокольчик звенит о жизни пастуха, жившего в библейские времена. А что интересного мог видеть пастух кроме своих овец да бесплодных холмов пустыни Неgev? И о чем он может рассказать? Впрочем, всё не так просто! Вероятно, этот давний мой предок передал мне нынешнему любовь к овечьим сырам: турецкой или болгарской брынзе, греческой фете, датскому овечьему сыру, осетинскому сулугуни...

К слову сказать, я-нынешний блюда с сыром тоже люблю и с удовольствием ем румынскую мамалыгу с брынзой, греческий салат или горячее, прямо из очага, хачапури. Всё это сегодня называется генной памятью, и выходит так, что эти кулинарные пристрастия у меня от моих дальних предков-пастухов.

Наконец я подхожу к колокольчику, чей рассказ меня, живущего сегодня в Германии, заинтересовал особенно. Звенит этот колокольчик не то на идиш, не то на немецком и описывает события, произошедшие относительно недавно, в конце XVII века.

Итак, в то время мой предок (или я сам?) жил в городке St. Goarhausen на берегу Рейна.

Но перед тем, как поведать вам историю, услышанную от колокольчика, расскажу о том, как я нынешний оказался в этом уютном городке. Так случилось, что мой товарищ пригласил меня с женой в поездку вдоль Рейна. В одном из прибрежных городков мы сделали короткую остановку.

St. Goarhausen, так назывался этот городок, представляет собой одну довольно длинную улицу, вытянувшуюся вдоль берега. Фасады каменных или фахверковых домов глядят прямо на реку. Рейн теряет в этом месте свою ширину и устремляется в теснину между поросшими лесом горами. Однако в окрестностях городка горы не слишком круты, свободны от леса и покрыты виноградниками. От главной улицы поднимаются в гору коротенькие улочки-отростки и совсем крохотные переулки. На этих улочках теснятся не более пяти-шести сохранившихся еще со времен Средневековья домов.

Трудно описать волнение, которое внезапно охватило меня в этом городке – ничего подобного я никогда раньше не испытывал. «Знаешь, – сказал я своему другу, – мне кажется, что я уже здесь бывал. Нет, не просто бывал, я когда-то здесь жил! Жил вот на той, идущей в гору улочке. Я узнаю и эту улочку, и возвышающийся над городком замок!»

Почти бегом мы пересекли главную улицу и остановились на углу «моей» улочки. Мы почти одновременно подняли глаза на табличку с названием: Jüdingasse – Еврейский тупичок – значилось на ней. Но самое поразительное было то, что в конце улицы я увидел «свой» дом... Да, несомненно, это был он, я сразу же его узнал: первый этаж сложен из потемневшего от времени рейнского песчаника, а второй и этаж под крышей – фахверковые. Дом почти вплотную примыкает к горе, и виноградник, начинающийся сразу же за домом, поднимается уступами вверх.

Но перезвон колокольчика возвращает меня к тем временам, когда я жил в этом доме. Он рассказывает, что семья (мешпуха – так сказал колокольчик на идиш) моего предка, носившая фамилию Weinblat, была большой и трудолюбивой: старики-родители, их многочисленные сыновья и дочери, а также их жены и мужья, внуки и внучки. Большая часть семьи трудилась на винограднике – он требовал постоянного ухода, оставляя для молитвы и отдыха только субботу. Некоторые мои родственники были бочкарями, в их превосходных дубовых и буковых бочках мы возили свое вино на продажу. Семья наша имела в окрестных городах несколько винных лавок и Weinkeller'ов – винных подвальчиков, торговавших этим вином. Колокольчик не без гордости сообщил, что наше вино славилось особым букетом, тонким вкусом и ароматом. За долгие столетия мои предки отобрали прекрасные сорта виноградных лоз – основу благополучия нашей семьи. Особенно знаменитым было вино из винограда, собранного поздней осенью. Его, продолжал рассказ

колокольчик, отвозили не только в близлежащие, но и в отдаленные города: саксонский Дрезден или польский Лодзь.

Читая эти строки, вы наверняка решили, что их автор явно не в себе. О чем он рассказывает? О своих прошлых жизнях, о говорящих колокольчиках... Чушь всё это! Форменная шизофрения! Я бы и сам на вашем месте так решил. Но вот задача: в Дортмунде, где я сейчас живу, в районе, бывшем некогда отдельным городком Aplerbeck, с незапамятных времен существует винный гешефт, сохранивший фамилию моей семьи, той и нынешней, – Weinblatt. Его адрес: Köln-Berliner-Str. 87.